

Солнце, небо и взгляд Аустерлица в свете исторического повествования авторской передачи

Ľubomír Guzi, Filozofická fakulta PU, lguzi@unipo.sk

Ключевые слова: исторический нарратив, нарратология, прецедентное высказывание, лингвокультурема, русский язык, русская история

Kľúčové slová: historický naratív, naratológia, precedentný výrok, lingvokulturéma, ruský jazyk, ruská história

Язык и языковая личность представляют собой сложный и динамически развивающийся механизм. Монографические исследования и вузовские учебники полны определений, взглядов и теорий по этой проблематике. На стыке словообразовательных возможностей данного языка, лексических своеобразностей, частых стилевых нарушений, на фоне свободного созидания языковой картины мира речевых актов высказываний можно обнаруживать оттенки замыслов, новых оригинальных взглядов на концепт определенного культурного пространства. Мы хотим проанализировать семантическую и оценочно-лингвокультурологическую суть того, что находится в концептуальном поле выражений «Солнце Аустерлица», «Небо Аустерлица» и «Взгляд Аустерлице», как они были представлены в историческом повествовании (наррации) Л. Парфенова в известном проекте «Российская империя».

В центре исторического повествования в документалистике, как и у нарратива вообще, стоит «эпизодизация» события, формирующая «историю», например, при описании встречи в Тильзите так развивается «эпизодизация», которая все-таки в изображении Леонида Парфенова кончится иронично-оценочным эпилогом:

«В ответ на демонстрацию протеста Бонапарт отзывает посла Франции из Петербурга, а на другой день провозглашает себя императором. Теперь они равны – Александр I и Наполеон I. Они еще будут встречаться и награждать друг друга и называть друг друга братьями и целоваться. Это великие политики» (РИ, Александр I, Ч. I).

На этом поприще нарратив действует как особо гибкая модель и как любая модель в общем смысле слова является аналогией. Она связывает неизвестное с известным, используется для объяснения (или для интерпретации) ряда явлений путем отсылки к схемам, структурам, сценариям, рамкам, сравнениям, метафорам, аллегориям и т.п.), которые так или иначе включают в себя обобщенное знание. Жанры и формы нарративного знания в высокой степени зависят от того культурного контекста, в котором они используются (Брокмейер – Харре, 2000, 36). Именно культурный канон делает ту или иную специфическую аналогию успешной и интеллигибельной.

Предмет нарратологии не сводится ни к ряду *референтных*, *имется ввиду* «рассказываемых» событий, ни к ряду *коммуникативных* «событий рассказывания» - он представляет собой соотносительность этих рядов. При этом именно категория *события* выступает ключевой нарратологической категорией, вокруг которой так или иначе группируются все остальные. На концепции нарративности как событийности основывается несколько теорий, например, версия Вольфа Шмида (Шмид 2003, с. 20). Понятие истории подразумевает *событие*. Событием является некое изменение исходной ситуации: или *внешней* ситуации в повествуемом мире (*естественные, национальные и интернациональные события*), или *внутренней*

ситуации того или другого персонажа (ментальные события). Таким образом, нарративными, в структуралистском смысле, являются произведения, которые излагают историю, в которых изображается событие (Шмид 2003, с. 13).

Что касается нарратива авторской передачи Л. Парфенова, то основными характеристиками и особенностями исторического нарратива, который выстраивает ведущий вокруг изображаемой темы являются прежде всего:

- метафоризация (метонимизация),
- гиперрболоизация гротеска определенных повествований,
- аллюзивность,
- литературоцентричность,
- ирония;

Но саму «наррацию, создает *понятийное мышление*. Оно порождает предложения цели, причины, условия, что движет сюжет и наполняет его связями с реальными процессами, дает зависимости и приводит к известным результатам. «Картина» не может передать оборотов «если», «когда», «для того чтоб», «из-за» и т.д.; между тем речь создает этими оборотами развернутый последовательный рассказ» (Фрейденберг 1978, с. 282).

Направленность его повествовательных действий в дискурсе с реципиентом бывает

- директивной (побудительная): *«Русский ампи́р – то александровский стиль».* *«Империя начала воевать по глобусу. Россия – владычица морей!»*
- нарративной (повествовательной):

«От Набережной до Арбата из полуторотысяч домов уцелело только восемь. Но после пожара Москва сразу строилась. На Пречистеньке – показательные образцы ампи́рных особняков... особняки выглядят как маленькие дворцы. На самом деле они обходились не дорого. Сколочены из деревянного бруса а сверху рельеф и штукатурка под камень. Это ампи́рные сэндвичи. Их ампи́рное внутренне убранство, знакомое всем по декорациям «Горе от ума», - самая старая отечественная материальная культура, которая еще все находится в коммерческом обороте».

- дискурсивной и аргументативная (объединяющей бытовой и научный диалог)

Утренняя прогулка старика Болконского. Вот, трость в правой руке, левая сжатая в кулак на поясице. Это не просто человек проходит как хозяин. Это выше – помещик как Бог-творец. Может это высшая вольность дворянства вот так, по своей воле сотворить целый мир: дома, хозяйственные постройки, парк – английский, природный или регулярный, уголья, лес срубить или новый посадить, речку так оставить или плотиной переградить, людям дать занятия по своему образу и подобию. У Аракчеева мужики маршировали у Шереметева учились актерскому мастерству. И еще назвать «дворянское гнездо» своим именем: Обломывы жили в Обломовке а Керсановы в Керсановке. И даже потом, у Чехова герой совсем с неподходящей фамилией Чимша Гималайский купил деревушку и к ее старому названию добавил – Гималайская тоже.

Как шутили потом, мужика освободят на следующий день после барина. Указ о вольности дворянства – 18 февраля 1762 года а отмена крепостного права – 19 февраля 1861 года. На следующий день, но... через 99 лет. (РИ, Екатерина Вторая, Ч. 1)

Кроме выше указанных свойств исторического нарратива документалистики медиа-текста важным является *визуализация*. Внутренняя взаимозависимость *вербальных и пиктографических компонентов передачи* Л. Парфенова выражается в их объединении для выражения доминантного смысла. Это позволяет сделать вывод об их синкретичности, проявляющейся в таком структурировании текста, при котором

оформление его компонентов идет не по пути дифференциации, а по пути синкретизации (слитности вербальной и пиктографической составляющих). Функциональное единство элементов аудио и визуальной составляющих состоит не в их соположенности, а в смысловом сопряжении. В истории («*story*») элементы фабулы презентуются определенным образом (путем). Мы, таким образом конфронтируемы со «зрительным образом фабулы». М. Бал этот образ хочет анализировать при помощи нами уже употребленного понятия – «*фокализации*». Фокализация по его определению – это «отношение между зрительным образом («*vision*») и тем, что сознательно «видно» (Бал 1999, с. 143-144). Так понимаемую *фокализацию* Бал освещает при помощи точка зрения (*point of view*) или нарративная перспектива (*narrative perspective*) а также повествовательная /нарративная/ ситуация (*narrative situation*), нарративная точка съемки /также и «точка зрения»/ (*narrative viewpoint*), нарративное поведение (*narrative manner*), но главное – визуальная наррация /повествование/ (*visual narratology*). Бал говорит о нарратологии фильма и трех областях в которых может быть включена или применена – это, во-первых, анализ визуальных образов как нарративных, которые изнутри или извне могут оправдать аспект образов и их влияние, чем не обладает никакая иконография и никакое другое искусство «исторической практики»; во-вторых, сравнение литературной наррации и фильма на ней основанном может излагаться в форме культурного критицизма; может наступить ситуация (по Балу неожиданная), когда уделяя внимание «визуальности» может в большой степени обогащаться сам анализ литературной наррации (Бал 1999, с. 162).

Некоторые из художественных тропов в повествовании об Александре I в отношении к наполеоновскому феномену встречаются в известных и общепринятых переносных, метафорических словосочетаниях с известными фактами, связанными с событиями «в Аустерлице». Метонимический перенос с места – населенного пункта Аустерлиц на событие недалеко него произошедшее – имеется ввиду сражение у Аустерлица. Парфенов по этому поводу говорит:

«В литературе существует два как бы астрономических наблюдения – два символа: **солнце Аустерлица** – знак победы Наполеона, который тот призывал потом и при Бородине и при Ватерлоо и **небо Аустерлица**, в которое смотрит Андрей Болконский у Толстого в «Войне и мире» (РИ, Александр II, Ч. I).

Со знаменем в руках на Праценских высотах, где потом поставят памятник погибшим, упал раненый князь Андрей Болконский. Он упал навзничь и оттого увидел не виданной им прежде «**тихое и торжественное**» **высокое небо Аустерлица**. **Спокойствие неба Аустерлица** превращает в злобную суету и сражение и всю войну и, вообще, все это состязание двух тщеславных императоров. Все пустое, все обман, кроме этого **бесконечного ясного неба**».

«Солнце Аустерлица как знак победы Наполеона» - это символ, который пустил в обиход сам император и это солнце моравского городка стало его кредом почти при всех решающих сражениях и начинаниях. Наполеон учредил также орден «*Солнце Аустерлица*», памятную медаль и проч. Жозефине даже послал картинку из «*le soir du fameux «Soleil d'Austerlitz*». Napoléon aurait fait un dessin à Joséphine : *L'N mis dans le plus grand des astres*. Que voulait-il dire? Но более того «Солнце Аустерлица», стало крылатым выражением, которое унаследовали писатели, философы и историки. Наполеон при Аустерлице рад своей расчетливости, в привидении и живом предчувствии предстоящей реальной победы сказал: Le «*soleil d'Austerlitz*». Историк В. Баданов в статье «Сражение при Аустерлице» это описывает таким образом: «Кончилась долгая декабрьская ночь, забрезжил серый рассвет, густой туман стал редеть, рассеиваться; затем начало медленно подниматься холодное, неяркое солнце - «солнце Аустерлица». Замысел Наполеона был чрезвычайно прост: ударом по центру

разобщить австро-русские войска на две изолированные части, выйти во фланг и тыл главной группировки союзных войск и уничтожить их по частям» (<http://badanov-vadim.narod.ru/simple66.html>). Надо знать исход битвы, стратегические ходы, роль тумана, ночи, поверхности и наконец восход солнца, которое будто бы шепнуло императору: «Нет сомнений!». *La bataille des trois Empereurs*, состоявшаяся 2 декабря 1805 г. солнцем обернулась победной звездой корсиканцу, великой викторией и одновременно началом победоносного конца. Солнце Аустерлица – это свет, солнце, это его – Наполеоновская - будто фараоновская звезда, свет - гётовское предсмертное *Meer Licht!*, греющее и губившее одновременно. Парфенов не прав, говоря о двух «как бы астрономических наблюдениях» - уже в самом первом литературном наблюдении есть несколько солнц. Общепринято считать, что **VOILA LE SOLEIL D'AUSTERLITZ!** или «Вот оно, солнце Аустерлицца!» - воскликнул Наполеон также и 7 сентября 1812 года при виде восхода солнца над Москвой. Да, надежда жила. Но «Бородинско солнце» (или Московское) это не «Солнце Аустерлица». Это солнце уже «померкнувшее», именно такое каким его в символической форме оставил «вездеприсущий аллюзивный» Пушкин:

«Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!
Померкни, солнце Аустерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие:
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!

Война: по гроб наш договор! («Наполеон», Пушкин).

Пылай Москва, но души своим пожаром солнце – Аустерлица и типичное империальное «*Исчезни, краткий наш позор!*» - битва потеряна, но ни в коем случае война. Солнце Аустерлица – как символ заката. В феврале 1921 года в Петербурге прошли вечера, посвященные 84-й годовщине смерти Пушкина, - по общему мнению они вылились в тризну по уходящей культуре и означили отчетливую границу между прошлым России и наступающей «советской ночью» именно рассматривая символы *Солнца Аустерлица* у Пушкина.

Вторым полюсом является «*Небо Аустерлица*», то небо, в которое смотрит, упавший раненый князь Андрей Болконский. Он взбешен массовым бегством солдат. Для него это означает позорную трусость, его поражают действия штабной верхушки – Багратион занят не организацией огромного войска, а поддерживанием его боевого духа, Кутузов находится в растерянности. Государь, которым он восхищался Николай Ростов, сам обращается в бегство. Именно в такое толстовское *Небо Аустерлица* вклинил свои глаза обессиленный князь.

Парфенов констатирует, что «*Впервые за сто лет после Нарвы Россия проиграла генеральное сражение. И впервые же с петровских времен армию возглавлял сам царь. После Аустерлица жило поверие, что император на войне к несчастью*». Он приводит отрывок из фильма – эпопеи «Война и мир» Сергея Бондарчука, снятого по роману Л. Н. Толстово, в котором прозвучал диалог императора с ангелским ликом – Александра и стареющего встревоженного Кутузова:

«<...> название Аустерлиц осталось в истории как одно из самых страшных русских поражений. Огромную роль здесь сыграл рельеф. Русские и австрийцы стояли на Процентских высотах а внизу лежал туман выше человеческого роста. Когда по австрийскому плану союзники с высот спустились, французы их тут же и захватили. Кутузов предвидел эту ловушку, но поделать ничего не мог. Он мог только замедлить

движение русских полков, из-за чего случилось его известное препирательство с императором Александром:

Александр нетерпеливо упрекал Кутузова:

- «Ведь мы не на Царицыном лугу, Михаил Илларионович, где не начинают парада, пока не придут полки.

- «Потому и не начинаю, Государь, что мы не на параде и не на Царицыном лугу.

Как известно союзнические войска были разгромлены: «Франц I покинул поле боя, Кутузов, оставаясь в войсках едва не попал в плен а Александр I пвтася остановить бегущих. Но разбежалась даже свита и Александр усакал рыдая<...>.

Над огромным побоищем в сером походном халате расходил победный император Наполеон. Именно там заметил среди убитых, раненых, среди поврежденного оборудования лежавшего навзничь Андрея Болконского, что в передаче Парфенова снова продемонстрировано сценой из фильма «Война и Мира», в котором Наполеон произносит слова «Ке бел Мор!». Кроме того, для усиления атмосферы, Парфенов использует известный «гений места» и у памятника возле Аустерлица, чешского Славкова, притаща камеру на Проценские высоты у Славкова, сам смотрит в это «бесконечное небо Аустерлица».

Кроме этих двух понятий Парфенов приводит еще и третье:
<...> Английский премьер Питт от горя сошел с ума и умер. Его затравленный взгляд называли «взглядом Аустерлица» <...>.

В английской среде также известен тот самый питтовский взгляд Аустерлица:

<...>He never recovered from the shock which was given to him by the news of the great defeat of the allied powers by Bonaparte at Austerlitz. His friends said that from that time the «Austerlitz look» was always on his face<...> (McCarthy, 1898, 35).

„Let us hope that England, having saved herself by her energy, may save Europe by her example. These were the last words that he uttered in public. But Austerlitz soon completed what Uhm had begun; and the peculiar look which Pitt wore after this calamitous event, was described by Wilberforce as the Austerlitz look“ (Там же).

Как видно из второй цитаты, метафорическое выражение приписывается известному английскому, британскому политику и филантропу Уильяму Уилберфорсу, другу Питта, о котором Д. Эрман заметил, что «Wilberforce coined the telling phrase, according to Macaulay, of Pitt's „Austerlitz Look“. But he did not see Pitt at or after Bath, and applied it retrospectively to his friend's closing months» (Ehrman, 1860, 367). Значит оно характеризует все расположе британского премьер-министра после трагического сражения, которое практически привело к его смерти.

Из всех вышеприведенных словосочетаний ближе к фразеологизированной единице приближается «солнце Аустерлица» в значении не только надежды на победу, но также и символ сокрушительной победы, олицетворение, талисман удачи и предзнаменование счастья. Но зависит, который временный фазиз учитываем на первом месте: наполеоновское SOLEIL D'AUSTERLITZ имеет приятный отблеск у самого Аустерлица, меньше уже сияет у Бородина и гаснет при Ватерлоо – и на всех этих местах Наполеон к нему обращался.

В своем известном стихотворении «Я и Наполеон» (1915) В. Маяковский прибегает именно к такому дуальному пониманию этого образного словосочетания:

За мной, изъеденные бессонницей!

Выше!

В костер лица!

Здравствуй,

мое предсмертное солнце,

солнце Аустерлица!

(Маяковский, В.: «Я и Наполеон»)

Еще более четко прецедентное событие «Аустерлиц – Солнце Аустерлица» показано в следующем отрывке, в котором даже используется целое прецедентное поле – прецедентность самого события в компарации с современностью («...**недаром президентская кампания** (2004 г.) **и есть кампания 1812 года**,...»), прецедент основных составляющих события («...**все господствующие высоты**...» - «...**Проценские высоты у Славкова**...»), прецедентность имен (Наполеон, Барклай и Кутузов – Путин, Зюганов, Жириновский, Явлинский и Чубайс) и самое прецедентное высказывание «...После чего Зюганов, Жириновский, Явлинский и Чубайс с поклоном сдают свои шпаги В. В. Путину – **«Вот оно, солнце Аустерлица!»**. Сам текст сравнивает несравнимое, но метафорическое завещание наполеоновского «Солнца Аустерлица»:

«То есть достаточно не подыгрывать В. В. Путину (не строить козни, упаси Боже, а именно всего лишь не подыгрывать, то есть корректно отступить), чтобы 14 марта произошло уполовинивание ВВП. Довольно странно после этого удивляться, что все сколь-нибудь реальные и опытные политические игроки избрали кунктаторскую тактику, заключающуюся в упорном уклонении от решающего столкновения. Как отмечал академик Тарле, «потому-то Барклай и Кутузов не хотели сражения, что Наполеон его очень хотел». Говоря в рамках военных аналогий (а сходство тут есть, и немалое, **недаром президентская кампания** (2004 г. – прим. ЛГ) **и есть кампания 1812 года**, и слово употребляется одно и то же), сторона, обладающая неоспоримым преимуществом, занимающая **все господствующие высоты** и стратегические коммуникации (вместе с агентствами таковых коммуникаций), естественным образом стремится навязать лишенному этих преимуществ неприятелю скоротечное сражение и разбить его наголову. После чего Зюганов, Жириновский, Явлинский и Чубайс с поклоном сдают свои шпаги В. В. Путину – **«Вот оно, солнце Аустерлица!»**. Сейчас же **вместо солнца Аустерлица наблюдается либо полное отсутствие неприятеля**, отступившего еще дальше, либо слабые арьергардные отряды (Малышкин, Харитонов), никоим образом не могущие заменить намеченные к разгрому главные силы. Гоняться за неприятелем всюду, куда он задумает отступить, недостойно великого полководца, упрашивать неприятеля принять сражение - еще недостойнее. Только и остается, что триумфальный марш среди зловещего молчания» (Соколов, 2004)

Дальше автор продолжает в похожем духе: «Разумеется, кунктаторская тактика - что на войне, что в политике - является не от хорошей жизни, а от обстоятельств совсем бедственных. Она есть порождение тяжелого выбора: либо сразу принять бой на заведомо невыгодных условиях - единственно для того, чтобы украсить собой в качестве трофея чужое триумфальное шествие и тем самым придать ему больше легитимности, либо всемерно уклоняться от боя, лишая тем самым неприятеля и трофея, и полноценной легитимности. Один из уроков кампании 2003-2004 гг. - не загонять оппонента в такую ситуацию (ведь ни для кого не секрет, как загоняли ту же КПРФ и не только ее), когда единственное, что ему остается, - это *кутузовский заманивающий маневр*».

Имперскую политику посленаполеоновского мира Парфенов в своей передаче описывает в похожем духе, постоянно ссылаясь на подобные события современности или недавнего прошлого, опять же обращаясь к аллюзивности. Вот отрывок из части о Александре Первом:

<...>На послевоенном **Венском конгрессе** собрали глав 216 государств – **никакое Хельсинское совещание не сравнится. Это самая представительная в истории международная конференция**. Большинство стран-участниц только наблюдают, как **четыре победительницы Австрия, Англия, Пруссия и России снова делят Европу**.

Русский император – лидер свободного мира. Александр сам составляет акт о создании Священного союза монархов. Первый конгресс новой организации проводят в Аахене. Отсюда правил Карл Великий – собиратель средневековой объединенной Европы. Лишнее свидетельство влияния российского императора: Францию на первом конгрессе Священного союза представляет глава правительства герцог Ришелье. Тот самый дьок Ришелье, памятник которому стоит у Потемкинской лестницы в Одессе. Александр освободил Ришелье от обязанностей генерал-губернатора Юга России, настояв, чтобы на Родине назначили Ришелье главой правительства. Осуществил как бы **кадровое передвижение власти «по горизонтали»**. **Южный русский наместник равняется французскому премьеру. Париж тогда стоил не Мессы, а Одессы<...>.**

Таким образом упоминавшийся в начале отрывка Венский конгресс сравнивается с известным Хельсинским совещанием времен Холодной войны. Скрыто также то, что Российский император как и верхний представитель СССР считали себя инициаторами этих «систем безопасности», похоже как царь и Генеральный секретарь партии считали себя **лидерами свободного мира**. Клише и фреймовая структура наррации остается той самой, меняются лишь приподношиваемые факты. Типично ироническим и саркастическим является выражение о «**кадровом передвижении по горизонтали**» во времена Александра I, что было именно, как раз, типично для советских 70-х годов, в которые эту тактику очень искусно применял Л. И. Брежнев. А наконец лаконичное и гиперболическое имперское сравнение, что «**южный русский наместник равняется французскому премьеру**» с выдающимся применением уже мало встречаемой аллюзии **Париж тогда стоил не Мессы, а Одессы**. Последнее – это переработанная аллюзия известной паремиологической фразы *Paris vaut bien une messe*. Как много похожих изречений и эта не целиком подтверждена, но вобщем приписывается Генриху IV Бурбонскому или главе его правительства Максимилиену де Бетюн более известного как герцог Сюлли (Авторство многих исторических фраз и цитат, которые укрепились в языке как фразеологические единицы является предметом споров (Для нами приводимой фразы см. Назарян 1968, 205). Интрига заключалась в том, что в 1589 году со смертью французского короля Генриха III пресеклась династия Валуа. Единственным законным претендентом на корону Франции стал Генрих Наваррский, представитель боковой ветви королевского дома Бурбонов. Однако как вождь гугенотов он был неприемлем для большинства французов, исповадовавших католицизм. В июле 1593 года Генрих Бурбон принял католичество, заявив: «**Париж стоит мессы**» (другой распространенный вариант: «**Париж стоит обедни**»). Месса как главное богослужение католической церкви у протестантов она не принята в том же виде. Генрих решил поступиться малым (обычаем веры) ради большего (короны Франции). После этого католики открыли ему ворота французской столицы. А уже в 1598 году Генрих IV Бурбон издал Нантский эдикт, которым уравнивал в правах католиков и гугенотов и положил конец религиозной войне. Вторым очень часто приводимым французским фразеологизированным оборотом является понятие *vêpres en Sicile*, что переводится на русский как **Сицилийская вечерня** (slov. Sicílske večery). Понятие олицетворяет трагедию – масакер французов на Сицилии. Причинами восстания послужила раздача сицилийских земель вместе с крестьянами французским феодалам, бесчинства французов, перенос столицы Сицилийского королевства за пределы Сицилии, из Палермо в Неаполь. Сигналом к восстанию послужил колокольный **звон к вечерне**, что и дало название восстанию. Между прочем лозунгом восстания была фраза «Morte Alla Francia, Italia Anela» («Смерть Франции, вздохни, Италия»), сокращенно «**M.A.F.I.A.**». Это восстание или ребелия иногда толкуется как национально-освободительное восстание сицилийцев против власти Анжуйской ветви

дома Капетингов 30 марта 1282 года. Происшествие изобразил также Дж. Верди одноименной оперой, которую закончил в 1855 г. Часто встречаются изречения типа «У Италии есть своя Варфоломеевская ночь – **Сицилийская вечерня**». Метафорическое применение словосочетания начало применяться уже с времен средневековья, как об этом говорит отрывок: «Un ambassadeur d'Espagne vantait à Henri IV la puissance maître. Le Roi, pour rabattre la fierté espagnole, dit avec beaucoup de vivacité : S'il me prenait envie de monter à cheval, j'irais avec mon armée déjeuner à Milan, entendre la messe à Rome, et dîner à Naples. L'Ambassadeur lui répondit : **De ce train-là Votre Majesté pourrait arriver pour vêpres en Sicile**» (L'Improvisateur français. 1806, 64) по другим источникам ответ испанского посла выглядел следующим образом: «Sire, répondit l'ambassadeur, **si votre Majesté va si vite, elle pourrait aussi, dans le même jour, entendre les vêpres en Sicile**» (Dictionnaire D'Anecdotes..., 1808). Значит, испанский посол пугал французского короля участью Сицилийской вечерни – истребления, похожего на то, которое произошло с французами в 13 веке на Сицилии. А то в случае, будет ли французская политика слишком напористой - *déjeuner à Milan, entendre la messe à Rome, et dîner à Naples* – то есть с армией за завтраком в Милано, посетить службу в Риме а ужинать в Неаполе. Очень любопытно, что участник исторического анекдота Henri IV тот самый, которому приписывается нами рассматриваемое изречение *Париж стоит мессы*. Парфенов воспользовался звуковым сходством *месса* – *Одесса* и переработал известное изречение, причем пожертвованным должен был быть градоначальник Одессы, француз по происхождению *дьок Ришелье*, из которого *передвижением кадров по горизонтали* сделали французского премьер министра для Венского конгресса и так мог южный русский наместник равняться французскому премьеру».

Историческое повествование Парфенова несется именно в таком *лирическом* духе, которое требует так называемого «среднестатистически подготовленного» реципиента. Но где эта «средняя» подготовки, это остается невысказанным.

Литература

- БРОКМЕЙЕР, Й. – ХАРРЕ, Р.: *Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы* // Вопросы философии. – №3, Москва 2000, с. 29-42.
- МАЯКОВСКИЙ, В.: «Я и Наполеон» // Полное собрание сочинений. ГОСЛИТИЗДАТ, Москва, 1955-1961. Т. 1-13.)
- НАЗАРЯН, А. Г.: *Почему так говорят по-французски. Происхождение и толкование идиоматических выражений*. «Академия Наук СССР, Кафедра иностранных языков», Москва 1968, с. 204-208)
- ПУШКИН, А. С. Наполеон: («Чудесный жребий совершился...») // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977—1979. Т. 2. Стихотворения, 1820—1826, с. 59-60.
- РИ – РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, ПРОЕКТ ЛЕОНИДА ПАРФЕНОВА «Российская Империя», посвященный 300-летию основания Империи и Санкт-Петербурга. Телекомпания «НТВ» 2001 – 2003. Серия Александр Второй, Часть I и II
- СОКОЛОВ, Максим: *Солнце Аустерлица* или уполовинивание ВВП. 26.01.2004 Доступно на <http://www.globalrus.ru/opinions/136123/>.
- СУРАТ, Ирина: *Смерть поэта Мандельштам и Пушкин*. «Новый мир» 2003, №3, с. 16.
- ШМИД, В.: *Нарратология*. Москва 2003.
- ФРЕЙДЕНБЕРГ, О.М.: *Образ и Понятие*. // Фрейденберг, О.М. *Миф и литература древности*. М., 1978.
- BAL, Mieke: *Narratology: introduction to the theory of narrative*. „University of Toronto Press Inc.“, Toronto, Buffalo, London.

DICTIONNAIRE D'ANECDOTES, DE TRAITS SINGULIERS ET CARACTÉRISTIQUES, ... ETC. Nouvelle édition. Tome Premier Par Honoré de Preze, Paris 1808.

EHRMAN, John: The Younger Pitt: The consuming struggle. „Stanford University Press“, Stanford 1996, p. 822, цит. по Essay on Pitt, The Miscellaneous Writings of Lord Macaulay, II. 1860.

L'IMPROVISATEUR FRANCAIS. Par Sallentin de l'Oise. Tome XXI et dernier. A Paris, Chez L'éditeur, Maison du Mémorial Forestier, rue Taranne, No 19. De L'Imprimerie de Delance, Paris 1806, p. 64)

MCCARTHY, Justin: II. England's „Benevolent Despot“ . In: Modern England. G. P. Putnam's Sons. London, New York 1898.

Abstrakt

V našom príspevku sme sa zamerali na charakteristiku, metaforickosť a lingvokulturologickú výstavbu troch charakteristík „Bitky troch cisárov“ pri Slávkove (Austerlitz), ktorá má v ruskom kultúrnom priestore veľké množstvo asociácií a konotácií. Jedná sa o „Slnko, Nebo a Pohľad Austerlitza“, ktoré sú reakciou na historickú udalosť, jeho hlavných aktérov a pod. Výrazný sémantický a asociačný zdvih nastal po literárnych spracovaniach problematiky, kedy sa dané slovné spojenia frazeologizujú na úrovni slovných spojení. Tie sa stali materiálom pre textové vytváranie špecifickej historickej narácie autorského programu, ktorého špecifiká hľadáme v našom článku.

„Tento článok bol vytvorený realizáciou projektu *Dovybavenie a rozšírenie lingvokulturologického a prekladateľsko-tlmočnického centra*, na základe podpory operačného programu Výskum a vývoj financovaného z Európskeho fondu regionálneho rozvoja.“